

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.2(477)

DOI: 10.17223/1998863X/57/21

М.М. Камионка

ЮНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР? УРОВЕНЬ РАДИКАЛИЗМА КАК ФАКТОР ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ УКРАИНСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

В политических и общественных дискуссиях разных стран мира часто утверждается, что радикализм обуславливается протестными настроениями молодежи. В статье автор пытается ответить на вопрос, влияет ли уровень радикализма украинской университетской молодежи (студентов) на их готовность к участию в длительных протестах. С этой целью в репрезентативной группе были проведены интервью (IDI) и анкетирование (1 043 респондента).

Ключевые слова: революция, молодежь, «поколение свободы», протесты, радикализм.

Постановка проблемы

Важной особенностью развития государственности и общества Украины являются революции и всевозможные протестные акции. Сложно игнорировать их роль в создании «демократического» общества, но на недемократических основах. В нем наиболее мобилизованные граждане периодически поднимают вопрос об изменении курса государственной политики или требуют полной ротации верховной власти. В новейшей истории Украины наибольшими такими потрясениями, причем с выраженным молодежным характером, были Студенческая «революция на граните» (1990) [1. С. 129], «Украина без Кучмы» (2000–2001), студенческие выступления против объединения университетов (Сумы, 2004), «Восстань, Украина» (2004), «Оранжевая революция» (2004), «АнтиТабачная кампания» (2011), «Революция достоинства» (2013).

В процессе и после распада СССР Украина и ее народ проходили фазы бифуркации в 1990–1991 и 2004–2005 гг. Начиная с осени 2013 г. и до сегодняшнего дня они находятся в очередной такой фазе. В каждой из них перед украинцами стоял выбор между двумя альтернативами: с одной стороны, консолидация для защиты национально-государственной суверенности и гражданских ценностей, с другой – отказ от них [2. С. 58]. Этот механизм свидетельствует об отсутствии полного принятия демократических принципов со стороны как общественности, так и политических элит. Народ свое недовольство политикой властей и требования изменения действующего по-

¹ В статье использованы результаты исследования, проведенного автором статьи при финансовой поддержке Национального Центра Науки (Республика Польша), идентификатор гранта 2016/23/D/HSS/00902).

литического курса реализует не путем выборов, а на улице. При этом наиболее активной общественной группой, которая мобилизовала все общество, стали молодежь и студенчество. Украинский историк и политолог Александр Бойко небезосновательно утверждает, что уже на начальном этапе формирования независимой Украины «маятником» важнейших общественно-политических процессов были именно студенты¹. Он подчеркивает, что «опозицию от политического нокаута в конце 1990 г. спасла студенческая молодежь», которая на следующий день после провальной всеобщей рабочей забастовки (1 октября 1990 г.)² начала свою «революцию» [3. С. 85]. Это ставит под сомнение наработки теоретиков XIX и XX вв., которые именно в пролетариате видели силу, способную превратить всех трудящихся в правящий класс. Для теоретиков пролетарской революции это еще более важно, поскольку поколение молодых, став на путь протестов, «между прочим» сокрушило СССР. Подчеркнем, что протесты 1990–1991 гг. играли решающую роль в демонтаже коммунизма в странах Восточной Европы, распаде СССР и создании независимой Украины [4. Р. 171]. Этот тезис подтверждают исследования о «Революции на граните» и «Оранжевой революции» Надежды Дюк: «Политические события в Украине в течение последних двадцати лет колебались между конформизмом и революционными протестами. При этом они породили два руководимых молодежью протеста. В регионе они были наиболее специфическими и влиятельными» [5. Р. 64]. Вместе с тем во время «Революции достоинства» студенчество играло ведущую роль, особенно на подготовительном этапе – во время ноябрьских вече. Кроме того, именно избивание студентов 30 ноября 2013 г. стало прямым поводом к революции.

Следует обратить особое внимание на то, что студенческие протестные движения не рассматривались как ключевой фактор развития ситуации. Внимание медиа было сосредоточено на предыдущем общенациональном протесте 24 ноября. Студенческие протесты были освещены в сводках новостей «пунктирно». Это положение вещей проецируется и на новейшие научные исследования, которые сосредоточились на событиях Майдана сразу после 30 ноября. В результате мы имеем информационную лагуну об участии молодежи в первые девять дней революции, когда студенческое протестное движение становилось все более влиятельным [6. Р. 86]. Можно констатировать, что таким образом занижается роль студентов в «Революции достоинства», хотя Том Джунс прямо утверждает, что «началась она [революция] с того, что студенты вышли на улицу, для того чтобы попасть на Майдан» [7. С. 30]. Кристина Шафранец совершенно обоснованно считает: «Поколение, которому последние четверть века приписывали уход в себя и политическую спячку, бунтарский потенциал которого отрицался, в XXI в. стает наиболее возмущенным поколением. И не потому, что к таковой роли готовилось или стало жертвой политической манипуляции, а потому, что именно молодежь сегодня ощущает несоответствие и дисфункцию избранных политических и экономических доктрин и векторов развития» [8. S. 101].

¹ Автор статьи сам был свидетелем первых дней «Революции достоинства» на Майдане в Киеве (ноябрь 2013 г.). Первоначально большинство ее участников составляли студенты, которые собрались благодаря сообщениям в Facebook.

² В забастовке приняли участие только 10 тыс. человек из 25 млн трудящихся.

Исходя из вышесказанного, необходимо проанализировать взгляды украинских студентов в вопросах, связанных с состоявшимися после провозглашения независимости в 1991 г. революциями. Влияет ли уровень радикальности украинской студенческой молодежи на их позиции в вопросах участия в длительных протестах? Готовы ли студенты к участию в длительных манифестациях и протестах (возможных очередных революциях)? В следующих разделах статьи мы сосредоточимся на обзоре литературы о революциях в Украине, методологии исследования, представлении результатов исследования, интерпретации полученных данных и корреляции основных выводов с устоявшимися оценками.

В поисках теории революций в Украине. Обзор литературы

Для начала следует проанализировать само понятие «революция», имеющее решающее влияние на гибридизацию политической системы Украины, которую можно обозначить как демократура – демократизация без либерализации [9. S. 45–46]. В 1844 г. Карл Маркс, говоря о переходе от одной общественной формации к другой, употреблял понятия революции политической и революции общественной. Он утверждал: «Всякая революция ликвидирует старое общество, а потому является общественной революцией. Всякая революция свергает старую власть, а потому является политической революцией» [10. P. 410]. Согласно Марксу, новая общественная формация выступает продуктом двух процессов. Первым является общественная революция. Ее философ понимал как фундаментальные и качественные изменения в сфере общественных структур. При этом она не является неожиданным сиюминутным изменением, а, скорее, длительным процессом изменений на уровне производительных сил, т.е. в плоскости экономики. Это обуславливает кардинальные изменения в сфере общественных структур, во взаимоотношениях разных классов и общественных групп. Второй процесс, производный от первого, – политическая революция. Она является логическим результатом и кульминацией изменений в экономических и общественных структурах. Согласно Марксу, политическая революция является финальным этапом в процессе перехода политической власти от доминирующего класса к новому прогрессивному. Теория Карла Маркса задает рамки теоретизирования революций, но не объясняет «частые» революции в Украине. Хотя, возможно, начиная с 1991 г. мы имеем дело с этапами одной революции, которая завершит цикл изменений общественных структур. В таком случае следует подчеркнуть, что начавшаяся в 1991 г. революция не «вмещается» в рамки одного поколения. Исходя из этого, напрашивается предположение, что участниками начальной («студенческой») фазы «Революции достоинства» были потомки молодежного актива «Оранжевой революции». А потому, чтобы понять, сохраняется ли революционная ситуация, которую Владимир Ленин определял как «целостность объективных изменений, обуславливающих глубокий общественно-политический кризис данного общества», следует прислушаться к голосу украинской молодежи [11. S. 59].

Тем временем Петр Штопка конкретизирует теоретические концепции революций. Он выделяет историософскую и социологическую интеллектуальные традиции их осмысления. Согласно первой, революция описывается извне, «в контексте длительного исторического процесса, как прерывание

временной протяженности, радикальное возмущение „логики“, „направления“ или „смысла“ истории». При этом внимание обращается на развитие процесса и фундаментальный перелом. В свою очередь, социологическая традиция рассматривает революцию как «комплекс внутренних процессов, реализуемых массовыми общественными движениями и ведущих к преобразованию базовых общественных структур» [12. S. 541]. К этим структурам можно отнести классовый уклад, иерархию власти, стратификацию общества. В таком случае революция объясняется как механизм реализации инициатив снизу, как преобразование общества благодаря активности его членов. В контексте начавшейся в 1991 г. революции в Украине наиболее активной общественной группой была молодежь.

По мнению Сэмюэля Хантингтона, «...революция является быстрым, фундаментальным и неожиданным внутренним изменением в доминирующих общественных ценностях и мифах, в политических институтах, общественной структуре, руководстве, политике властей» [13. P. 264]. Плинио Корреа де Оливейра под понятием «революция» понимает движение, которое стремится к уничтожению законной власти или порядка, их замене на незаконные [14. S. 57]. Будет ли обоснованным в случае с Украиной утверждение, что на смену законной власти пришла незаконная? Здесь более уместна теория революции Петра Штомпки: «Социологическое понятие революции применимо к общественным движениям, которые используют или грозятся применением силы относительно власть имущих с целью достижения кардинальных и длительных изменений в обществе». Но и она в полной мере не описывает украинский «революционный опыт» [15. S. 281].

Наиболее адекватной теорией революции, которая применима в отношении Украины, является теория Алексиса де Токвилля, которую можно сформулировать следующим образом. В основном происходит так, что народ, который без ропота, будто безразлично, терпел самые обременительные ограничения, неожиданно их сбрасывает, как только их тяжесть слабнет. Зло, которое люди терпеливо принимали как данность, кажется несносным с момента, когда появляется мысль, что можно от него избавиться [16. S. 188]. Аналогично Джеймс Дейвис, творец гипотезы кривой «J»¹, ссылаясь на постулаты теории фрустрации / агрессии, утверждал, что революции обуславливаются субъективными ощущениями недовольства, а не объективными факторами типа «уровень благосостояния, равенства и свободы» [17. P. 5–6]. Подробнее это объясняет Джеймс Гешвендер, который в своей гипотезе «мнимого наследования»² [18] сосредоточивается на описанной К. Марксом склонности к революционным выступлениям, несмотря на улучшение материальных условий жизни. Эти выступления являются результатом сравнения своей ситуации с другой общественной средой [19. P. 128–129]. Его теория характеризует революцию в Украине как диспропорцию между положением своей группы (украинского общества) и сравниваемой группы (обществами стран Западной Европы). Осмелимся предположить, что поводом для рево-

¹ Согласно данной гипотезе, революции начинаются не в критический момент, а в момент, когда растущие общественные ожидания не находят удовлетворения. Не единожды революции начинались в условиях относительного улучшения ситуации.

² Это понятие в основном используется при установлении уровня доступа к материальным благам, престижному имуществу и власти. Является показателем субъективного, возникающего из опыта, общественного неравенства.

люции была потребность улучшения общественного благосостояния, которая проявилась в общественных ожиданиях от президента Виктора Януковича после подписания договора с Европейским союзом (Вильнюс, 28–29 ноября 2013 г.). На это указывают результаты, полученные Центром исследования общества, опубликованные под названием «Протесты, победы и репрессии в Украине: результаты мониторинга 2013 г.». В них отдельное внимание уделено анализу помесечной интенсивности протестов в Украине. Интересно, что наибольшее число протестов всегда приходится на ноябрь¹: 2010 г. – более 300, 2011 г. – более 300, 2012 г. – 430, 2013 г. – 1 000 [20. С. 3].

Еще раз возвратимся к теории Сэмюэля Хантингтона, согласно которой революция – это аспект модернизации, а потому не является универсальной категорией. Она не есть явление, «которое может произойти в любом типе общества и в любом периоде его истории». Революция не может состояться в традиционном обществе с низкой общественной и экономической организацией. Также она не произойдет в высокомодернизированном обществе. Как и другие формы нестабильности и насилия, революция наиболее вероятна в обществах, достигших определенного общественно-экономического уровня, в которых процессы политической модернизации значительно отстали от экономических и общественных изменений [13. Р. 265].

Методология исследования

Для получения сведений касательно влияния уровня радикализма студентов на их готовность к участию в длительных протестах мы оперировали двумя методами. Во-первых, использовался метод углубленного индивидуального интервьюирования (individual depth interview, IDI). Он был применен для получения качественных и детализированных сведений по предмету исследования. Респондентами интервью стали 16 студентов из разных регионов Украины. Они представляли академические заведения Львова (Западная Украина), Ужгорода (Юго-Западная Украина), Нежина (Северная Украина), Сум (Восточная Украина), Переяслава (Центральная Украина) и Киева (столица страны). Участники опроса были определены путем выборки среди наиболее активных в общественной жизни каждого отдельно взятого высшего учебного заведения студентов.

Во-вторых, для получения количественных и однородных данных применен метод анкетирования. Анкетирование было проведено во время аудиторных занятий среди 1 043 студентов очного отделения 14 высших учебных заведений Украины (Харьков, Херсон, Черновцы, Киев, Днепр, Глухов, Полтава, Сумы, Львов, Нежин, Одесса, Переяслав, Ужгород, Винница). Для освещения регионального аспекта проблемы при составлении списка высших учебных заведений был использован репрезентативный подход. В фазе анкетирования также применялся селективный подход. В соответствии с ним была проведена многоуровневая групповая выборка (multi-stage sampling) [21. S. 267–268]. Первым уровнем были факультеты, вторым – специальности, третьим – курс обучения. Анкета состояла из метрики и 86 вопросов. Анке-

¹ Автор в интервью с кандидатом исторических наук М.В. Потапенко (Нежин) спросил, почему самым протестным месяцем в году является ноябрь. Отвечая на вопрос, М.В. Потапенко обратил внимание на историческую обусловленность этого явления – ноябрь является месяцем окончания цикла сельскохозяйственных работ.

тирование проводилось на протяжении трех семестров (сентябрь 2017 – декабрь 2018 г.).

Главной целью исследования является выяснение соотношения уровня радикализма и революционных настроений украинской студенческой молодежи. В ходе анализа собранных статистических материалов будет апробирована следующая исследовательская гипотеза, состоящая из двух утверждений:

Утверждение 1: высокий уровень радикализма украинской молодежи влияет на их готовность к участию в длительных протестах.

Утверждение 2: студенты Украины готовы к участию в длительных протестах.

Результаты

Анализ собранных статистических сведений свидетельствует, что украинские студенты, хотя бы на декларативном уровне, не являются радикально настроенными. Этот тезис сформирован на основании анализа ответов по анкете, где студенты должны были оценить по шкале от 1 до 5 утверждение: «Для дальнейшего развития Украины требуются радикальные революционные изменения или обдуманые и постепенно реализуемые реформы» (рис. 1). При этом ответ «1» обозначал наиболее высокий уровень радикализма, а «5» – наименьший (самые умеренные взгляды). Усредненный ответ исследуемой молодежи составил 3,1561. Это свидетельствует, что большинство респондентов нельзя отнести к группе радикально настроенных. Однако настораживает тот факт, что 23% студентов высказались за крайние радикальные изменения (ответ «1»). Эта группа может влиять на менее радикальных коллег (с взглядами разной степени умеренности), которые составляют 47,6% респондентов (выбравшие ответы «2», «3», «4»).

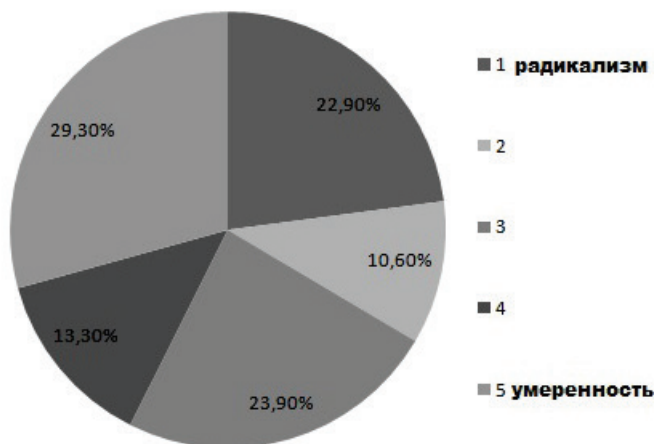

Рис. 1. Уровень радикализма украинских студентов.
Источник: результаты анкетирования, проведенного автором статьи

Для верификации утверждения 1 нашей гипотезы требуется сравнение декларируемого уровня радикализма украинской молодежи с их готовностью участвовать в длительных протестах. Часто аргументом «радикализма» молодежи оперируют в медиа и во время политических дебатов, а на студентов

перекладывается ответственность за различные протесты и манифестации. Однако, как свидетельствуют количественные показатели табл. 1, уровень радикализма не имеет прямой связи со склонностью студентов к длительным протестам. Так, среди наиболее радикальных студентов (ответ «1») лишь 39,8% заявили о готовности к участию в длительных протестах. Показательно, что о готовности к длительным протестам среди студентов с чуть менее радикальными взглядами (ответ «2») заявили лишь на 1,8% меньше респондентов (38%). Наибольшую же готовность к длительным протестам (42%) задекларировали студенты с низким уровнем радикализма (ответ «4»). Таким образом, утверждение 1 верифицируется ответами респондентов, которые заявили о нежелании участвовать в длительных протестах. Больше всего их среди радикальной молодежи (23,5%), а меньше всего – среди студентов умеренных взглядов. Обратим внимание и на тот факт, что наиболее радикальные студенты реже других выбирали ответ «затрудняюсь ответить» (36,7%). В то же время уровень сомневающихся среди студентов с наиболее умеренными взглядами (ответ «5») составил 43%.

Таблица 1. Заявленный уровень радикализма и готовность респондентов к участию в длительных протестах, %

Уровень радикализма	Готовы ли Вы к участию в длительных демонстрациях или протестах для достижения своих убеждений?		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
1	39,8	23,5	36,7
2	31,4	20,0	48,6
3	31,5	19,1	49,4
4	42,0	16,8	41,2
5	38,0	19,0	43,0

Примечание. Источник: результаты анкетирования, проведенного автором статьи.

В интервью студенты также пытались дать ответ на вопрос, почему украинская молодежь желает принимать участие в длительных протестах. Часто они сходились на том, что участникам протестов нечего терять. Действительно, молодежь в большинстве не имеет финансовых и семейных обязательств, требующих планирования на долгую перспективу. Интересно, что во всех интервью ключевыми факторами готовности к участию в длительных протестах назывались юный возраст, отсутствие обязательств и желание изменений. Ни один из 16 опрошенных студентов не вспомнил о радикальных политических взглядах.

«Именно молодежь является самой энергичной. Люди, которые окончили университеты, нашли работу и обзавелись семьями, хотят спокойной жизни и стремятся иметь средства существования. Пенсионеров подобные вещи [протесты] уже не интересуют. Они занимают позицию безучастных наблюдателей. А молодежь имеет силу и желание что-то менять. Не удалось бы ничего сделать без молодежи. Те из них, кто принимал участие в студенческой революции в 2014 г., сейчас в политике и делают много хороших дел, реализуют важные проекты» (Сумы).

«Они [молодежь] не имеют семьи, обязанностей, бизнеса. Фактически им нечего терять. Поэтому им присущи максимализм и романтические мечтания. Они убеждены, что „все зависит от меня“. Конечно, можно ор-

ганизовать протесты без молодежи, но они не имели бы надлежащего эффекта – молодежь имеет силы и преисполнена энергии» (Переяслав).

«Молодежь проявляет больший интерес к разнообразным манифестациям, чем к размеренной политической жизни. Манифестации позволяют молодежи что-то менять „здесь и сейчас“, а не обивать пороги многочисленных кабинетов с обращениями. А кроме того молодежь более активна в манифестациях чем взрослые, потому что студенты не имеют детей, постоянной работы и не обязаны постоянно думать о содержании семьи» (Переяслав).

Часть исследуемой молодежи, которая имеет опыт участия в протестах и революциях, объясняет разницу поколений со своими родителями еще и тем, что они родились уже в независимой Украине, а потому имеют совсем другие ценности. Радослав Маженцки называет тех, кто родился в странах Восточной Европы после падения коммунистических режимов, «поколением свободы» [22]. Оно формировалось в условиях процессов демократизации, развития рыночной экономики, суверенизации и демонтажа старых недемократических политических систем. Представители этого поколения противопоставляют себя своим родителям в плане политического опыта, поскольку они уже не испытывали влияния авторитарной власти и являются «детьми» независимости, к которой так долго шла Украина.

«Юное поколение... выросло и воспиталось в независимой Украине и в демократических условиях. Когда уже не было одной „великой партии“, которая указывает, как себя вести и что делать. Именно поэтому у молодых людей и сформировались политическая активность и демократическое сознание. Без молодежи нельзя было бы всего этого сделать, поскольку взрослые не заинтересованы в общественных изменениях. Они имеют семьи и работу» (Переяслав).

«Именно студенты являются наиболее активными гражданами Украины. Кроме того, у студентов есть чувство свободы, они лишены страхов и предубеждений старшего поколения. Они адекватно оценивают поточную ситуацию и понимают, что если ничего не будут делать, то ничего и не изменится» (Киев).

«Наше поколение имеет новые взгляды, и они отличаются от убеждений старшего поколения. Мы хотим большего. Мы более активны в общественной жизни, потому что хотим получить новый опыт и знания. Старшее поколение, наши родители, смирились с тем, что происходит у нас в стране, и безропотно соглашались с действиями властей. Тем временем молодое поколение, выросшее в независимом государстве, воспитано по-другому и имеет совсем другие убеждения. Молодежь желает для себя нечто иное» (Нежин).

В высказываниях студентов часто звучал тезис, что за постоянные революции и протесты в значительной мере ответственна ментальность украинцев.

«Украина не может жить без революций. В первую очередь нужно выработать законы в сфере экономики, образования и в целом стремиться к стабильности, а уж потом, если что-то не получится, добиваться своего. Но у нас все наоборот. Сначала революция, а потом думаем, что делать дальше. Такие настроения во многом обусловлены действиями безответственных политиков» (Ужгород).

«Да, существует десятилетний исторический цикл. 2004, 2014. Следующую революцию следует ожидать в 2024 году. Аннексия Крыма и война на Востоке существенно корректируют ход истории и делают невозможными точные прогнозы. Но закономерность есть, и об этом свидетельствует практика. В нашей истории все повторяется. Люди иногда руководствуются своим предыдущим демократическим опытом, а кроме того – такова наша украинская ментальность» (Переяслав).

«Это все наши особенности и ментальность. Мы постоянно должны за что-то бороться. Если нам что-то не нравится, мы начинаем бороться. Казацкая демократия во всей Европе в диковинку, кроме Украины. Такова украинская действительность, и я уверена, что Украина будет протестовать еще много лет» (Нежин).

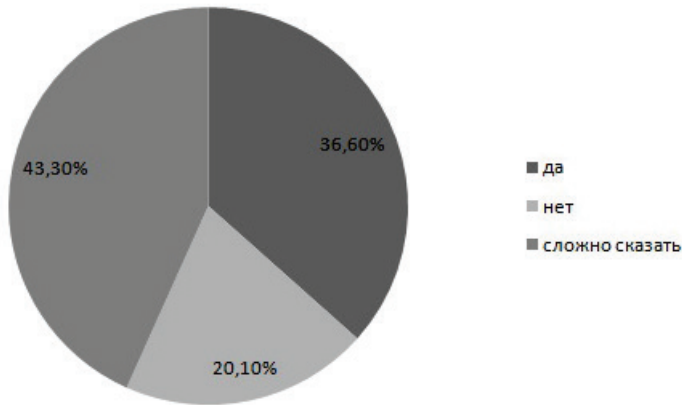

Рис. 2. Готовность молодежи к участию в длительных протестах.
Источник: результаты анкетирования, проведенного автором статьи

Несмотря на то, что взгляды большинства украинской молодежи нельзя охарактеризовать как радикальные, она все же готова к участию в длительных протестах. На это указывают данные, приведенные на рис. 2. На прямой вопрос о готовности к участию в длительных протестах отрицательный ответ дали 20,1% респондентов, позитивный – 36,6%, не определились – 43,3%. Это подтверждает правильность утверждения 2 гипотезы нашего исследования.

Дискуссия и выводы

В политических дебатах, особенно в Украине, часто звучит утверждение, что именно радикальная молодежь несет ответственность за многочисленные протесты и революции. В этой статье мы попытались проверить истинность этого утверждения и задались вопросом, зависит ли готовность украинской молодежи к участию в длительных протестах от уровня радикальности ее настроений.

Обработка довольно значительного числа источников, в том числе статистического материала, опровергает это популярное утверждение и дает основания для противоположного. Молодежь с умеренными взглядами демонстрирует бóльшую готовность к участию в длительных протестах. Это предопределяет следующий вопрос: почему украинская молодежь, в большинстве своем умеренных и далеко не радикальных взглядов, для возможно-

сти влияния на политическую ситуацию выходит на улицу, а не идет на избирательные участки?

Литература

1. *Студентська революція на граніті* : альбом / авт. та упоряд. О.К. Доній. Київ : Смолоскип, Тріумф, 1995. 129 с.
2. *Społeczeństwo i kultura Ukrainy* / red. K. Jędraszczyk. Gniezno : CONTACT, 2016. 195 s.
3. *Бойко О.* Загострення політичної конфронтації в Україні: атака опозиції та контрнаступ консерваторів // *Сучасність*. 2003. № 2. С. 67–76.
4. *Wilson A.* The Ukrainians: Unexpected Nation. New Haven : Yale University Press, 2000. 368 p.
5. *Diuk N.* The Next Generation in Russia, Ukraine and Azerbaijan: Youth, Politics, Identity, and Change. Plymouth : Rowman & Littlefield Publishers, 2012. 226 p.
6. *Junes T.* Euromaidan and the Revolution of Dignity: a Case Study of Student Protest as a Catalyst for Political Upheaval // *Critique & Humanism*. 2016. Vol. 46, № 2. P. 73–96.
7. *Джунс Т.* Евромайдан и Революция достоинства: студенческий протест, катализирующий политические перемены // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. № 1. С. 7–30.
8. *Szafraniec K.* Młodość jako wyłaniający się problem i nowa polityczna siła // *Nauka*. 2012. № 1. S. 101–122.
9. *Schmitter P.* Zagrożenia, dylematy i perspektywy konsolidacji demokracji // *Studia nad systemem reprezentacji interesów*. Kraków : Akademia Ekonomiczna w Krakowie, Fundacja „Polska Praca”, 1995. T. 3. S. 43–74.
10. *Marks K., Engels F.* Dzieła. Warszawa : Standardowe, 1962. T. 4. 800 p.
11. *Naukowy komunizm* / red. P. Fiedosiejewa. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. 425 s.
12. *Sztompka P.* Socjologia. Analiza społeczeństwa. Kraków : Znak, 2005. 720 s.
13. *Huntington S.* Political order in changing societies. New Haven : Yale University, 1968. 263 p.
14. *Correa de Oliveira P.* Rewolucja i kontrewolucja. Kraków : Arcana, 2001. 201 s.
15. *Sztompka P.* Socjologia zmian społecznych. Kraków : Plus, 2002. 720 s.
16. *Tocqueville A.* Dawny ustroj i rewolucje. Kraków : Społeczny Instytut Wydawniczy Znak, 1994. 316 s.
17. *Davies J.* Toward a Theory of Revolution // *American Sociological Review*. 1962. Vol. 27, № 1. P. 5–19.
18. *Skeris P.* Teoria grup odniesienia porównawczego // *Roczniki Nauk Społecznych*. 1977. T. V. S. 87–103.
19. *Geschwender J.* Exploration in the theory of social movements and revolutions // *Social Force*. 1968. Vol. 42, № 2. P. 127–135.
20. *Протесту, перемоги і репресії в Україні: результати моніторингу*. Київ : CEDOS, 2013. URL: https://cedos.org.ua/system/attachments/files/000/000/016/original/ZVIT_2013_web.pdf?1386716695 (дата доступу: 10.04.2020).
21. *Szreder M.* Metody i techniki sondażowych badań opinii. Warszawa : Polskie Wydawnictwa Ekonomiczne, 2010. 256 s.
22. *Marzęcki R.* Pierwsze pokolenia wolności. Uwarunkowania i wzory partycypacji w sferze publicznej polskich i ukraińskich studentów. Warszawa : Scholar, 2020. 450 s.

Mateusz Kamionka, Pedagogical University of Krakow (Krakow, Republic of Poland).

E-mail: mattkamionka@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 57. pp. 224–235.

DOI: 10.17223/1998863X/57/21

A YOUNG REVOLUTIONARY? THE LEVEL OF RADICALISM AS A FACTOR DETERMINING UKRAINIAN YOUTH'S MOOD TO PROTEST

Keywords: revolution; youth; “generation of freedom”; protests, radicalism.

A turbulent history somehow forced Ukraine to abandon the standard social progress, characteristic of other post-soviet countries in the region, at the expense of rapid, significant changes, with a possible cyclical nature. It is unquestionably associated with numerous protests and “revolutions” in

which young people (students) often participate, at least in their early stages. Chiefly students were the “flywheel” of the most important political and social events in Ukraine, since the beginning of its independence in 1991. That is why the author considers as important to analyze why young people in Ukraine are the most active social group, and why they are catalysts for sociopolitical change in the country. In this article, the author tried to answer two questions of (1) whether the level of radicalization of Ukrainian youth (students) affects their attitude to participation in long-term protests, and (2) whether students are ready to participate in long-term manifestations and protests (revolutions). In the theoretical section of the article, the author analyzes the older and recent available, mostly western, literature on theories of revolution. In the following section, he describes the research methodology that allowed conducting the research in Ukraine to collect both quantitative and qualitative data. For quantitative data, the author surveyed 1,043 respondents in 14 academic centers (which, due to the methodology, can be qualified as representative results for Ukrainian students). For qualitative data, the author conducted in-depth interviews with 16 active students. In both cases, the author took into account the important geographical aspect (to cover all parts of the country). In the third section, the author presents the research results that are related to the answers to the research questions. In light of the data, the author states that it is difficult to talk about excessive radicalism of Ukrainian youth, although the level of very radical youth is relatively high. He also notes that the scale of radicalism does not significantly affect the students’ tendency to prolonged protests. It is indicative, however, that moderate-minded youth are more likely to participate in long-term protests. This result is practically the opposite of the popular opinion that it is radical youth who are willing to protest predominantly. The young students’ tendency to protest may probably be the result of their mentality (part of their political culture). The conclusions of the article may have a significant impact in the discussion of the readiness of Ukrainian youth to protest rooted in their historically “inherited” mentality, not in their political radicalization, as commonly thought.

References

1. Donii, O. (1995) *Students'ka revolyutsiya na graniti: al'bom*. Kyiv: Smoloskyp; Triumf.
2. Jędraszczyk, K. (2016) *Spoleczeństwo i kultura Ukrainy*. Gniezno: Wydawnictwo Naukowe CONTACT.
3. Boiko, O. (2003) Zahostrennia politychnoi konfrontatsii v Ukraini: ataka opozytsii ta kontr-nastup konservatoriv. *Suchasnist*. 2. pp. 67 – 76.
4. Wilson, A. (2000) *The Ukrainians: Unexpected Nation*. New Haven: Yale University Press.
5. Diuk, N. (2012) *The Next Generation in Russia, Ukraine and Azerbaijan: Youth, Politics, Identity, and Change*. Plymouth: Rowman & Littlefield Publishers.
6. Junes, T. (2016) Euromaidan and the Revolution of Dignity: A Case Study of Student Protest as a Catalyst for Political Upheaval. *Critique & Humanism*. 46(2). pp. 73–96.
7. Junes, T. (2016) Evromaydan i Revolyutsiya dostoinstva: studencheskiy protest, kataliziruyushchiy politicheskie peremeny [Euromaidan and the Revolution of Dignity: Student Protest Catalyzing Political Change]. *Forum noveyshey vostochnoevropeyskoy istorii i kul'tury*. 1. pp. 7–30.
8. Szafraniec, K. (2012) Młodość jako wyłaniający się problem i nowa polityczna siła. *Nauka*. 1. pp. 101–122.
9. Schmitter, P. (1995) Zagrożenia, dylematy i perspektywy konsolidacji demokracji. *Studia nad systemem reprezentacji interesów*. 3. pp. 43–74.
10. Marx, K. & Engels, F. (1962) *Dziela*. Vol. 4. Warsaw: Standardowe.
11. Fiedosiejew, P. (ed.) (1979) *Naukowy komunizm*. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
12. Sztompka, P. (2005) *Socjologia. Analiza społeczeństwa*. Kraków: Znak.
13. Huntington, S. (1968) *Political order in changing societies*. New Haven: Yale University.
14. Correa de Oliveira, P. (2001) *Revolucja i kontrrewolucja*. Kraków: Arcana.
15. Sztompka, P. (2002) *Socjologia zmian społecznych*. Kraków: Plus.
16. Tocqueville, A. (1994) *Dawny ustrój i rewolucje*. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy Znak.
17. Davies, J. (1962) Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review*. 27(1). pp. 5–19.
18. Skeris, P. (1977) Teoria grup odniesienia porównawczego. *Roczniki Nauk Społecznych*. 5. pp. 87–103.
19. Geschwender, J. (1968) Exploration in the theory of social movements and revolutions. *Social Force*. 42(2). pp. 127–135. DOI: 10.1093/sf/47.2.127

20. CEDOS. (2013) *Protesti, peremogi i represii v Ukraïni: rezul'tati monitoringu*. [Online] Available from: https://cedos.org.ua/system/attachments/files/000/000/016/original/ZVIT_2013_web.pdf?1386716695 (Accessed: 10th April 2020).

21. Szreder, M. (2010) *Metody i techniki sondażowych badań opinii*. Warsaw: Polskie Wydawnictwa Ekonomiczne.

22. Marzęcki, R. (2020) *Pierwsze pokolenia wolności. Uwarunkowania i wzory partycypacji w sferze publicznej polskich i ukraińskich studentów*. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe Scholar.